

Глава 3: Его Жертва

Каждый дюйм его тела был начеку. Сама клеточка его бытия кричала, чтобы он убежал. Ему здесь не место. Эта земля не была его землей, это не была земля, которая сотворила его. Эта земля была незнакомой и странной; она принадлежала кому-то другому, и он просил, чтобы его убили. Он чувствовал себя ужасно заметным, не зная, кто или что наблюдает за ним. У него не было никакой связи с этими скалами, никаких претензий к камню под его когтями. Он был захватчиком, и в силу своего присутствия он предлагал себя в качестве жертвы Альфе этих земель.

Но ему нужно было забрать эту стаю. Ему нужна была их плоть, чтобы сохранить жизнь себе и своей новообретенной сестре. Ему нужно было забрать у другого, и ему нужно было жить после. Риск был необходим. Это было бы нелегко, но это нужно было сделать.

Эти земли были ему чужды. Они не были равнинами, которые он знал, с открытой землей и светло-желтой травой внизу. Трава здесь была высотой с талию и шелестела, когда он шел. Не было ни одного из скудных деревьев, растущих над головой, чтобы дать ему тень от солнца, ни одной тонкой, сорной травы вокруг водопоя, которая замедляла пульс и очищала яд от крови. Вместо этого, здесь он увидел толстые колючки виноградной лозы и кустарник, выросший вокруг случайного оазиса. Он не доверял этим странным растениям, с их толстыми шипами, которые вцепились в его мех и царапали все его тело с жутким звуком.

В своих землях он был тихим, как змея, и быстрее, чем любое другое существо. Здесь он чувствовал себя неуклюжим болваном, пробивающимся сквозь заросли с таким же шумом, как шторм. Любой дурак, живущий здесь, смог бы услышать его, если прожил здесь жизнь. Даже воздух предавал его; он был густым, душным и наполненным посторонним запахом. Хуже того, он был с подветренной стороны. Тот, кому принадлежали эти земли мог бы услышать, как он движется сквозь заросли чертополоха, и он получил бы некое предупреждение.

Он был начеку; даже малейшее шелестящее движение ветра против высокой травы заставило его вздрогнуть. У него не было времени. Каждая секунда, проведенная здесь, была приглашением к смерти, чтобы прийти за ним. Он следил за добычей, но в то же время следил за собой. Единственным вариантом была охота - убить, взять и сбежать, прежде чем его поймают. Единственная проблема с этой перспективой была возможность умереть из-за своей жертвы, если она будет слишком быстрой.

Здесь не было мурака; тропы, которые он исследовал, были доказательством большей игры: взрослый крулл. Его мяса хватит больше чем до конца недели, но с большой наградой также шел большой риск. Его плечо было таким же большим, как его голова, и его рога в одно мгновение лишили бы его его. На его землях не было крулля, не говоря уже о таком большом, таком старом. Это только усугубило то, что у него не было опыта охоты на них, но у него не было другого выбора. Ему нужно было это убийство, и оно будет совершено им. Он мог видеть по его следам, что тот был ранен. Не только это, он был старым - главная цель. Он будет требовать ее, независимо от того, кому она принадлежит.

Отслеживать его было простым делом. Зверь был ранен и хромал из стороны в сторону, капли засохшей крови, которые брызгали на землю, свидетельствовали о его боли и борьбе. Даже если бы он был ослеплен, след от его ран привел бы его в логово глубоко в кустах. Два раздробленных дерева выделялись из подлеска, раскалывались с большой силой с раздвинутыми травами, грязь была разбросана всюду. С обломками, усыпанными сломанными ветвями и измельченными лозами, он был уверен - это было логово крулля.

Он должен был убить его быстро и уйти как можно быстрее. Он не мог нести с собой всю тушу; кожу и внутренности ему пришлось бы оставить, чтобы облегчить свой груз. Это была бы его дань уважения хозяину этих земель за охоту здесь, хотя он сомневался, что это будет принято им равноценно. Он не останавливался, не колебался. Каждая секунда, потраченная впустую, была на секунду ближе к его смерти, и каждое сердцебиение имело напряжение и нервозность быть его последним мигом.

Прижимая ноги к земле, присел, плечи сгорбились, он глубоко вдохнул в легкие, чувствуя, как его ребра растягиваются в груди. С открытым горлом и поднятыми трещинами, он безумно выли в берлогу. Он хотел выманить крулла с угрозой. Внутри, удушающая растительность будет препятствовать его движению, а ловкость и рефлексy, которые ему нужны, чтобы остаться в живых, будут ограничены. Он хотел, чтобы крулл пришел к нему с дикой свирепостью и яростью. Ничего не было лучше, чем противник, ослепленный страстью боя - это он знал по опыту. Существо было бы отвлеченно, и он хотел, чтобы его первый удар смог в этот момент покалечить зверя.

С ревом, который потряс кости в позвоночнике и жутким грохотом, как будто ожил гигантский папоротник, большая фигура вырвалась из чащи, давя мощью своей силы. Он похвально громоздким телом с мощными поднятыми плечами, между которыми сидела голова с клювом, способная резать кости так же легко, как и была способна нарезать растения, которые ела. Толстая пластина кости, усыпанная тупыми шипами, раздувалась над ее толстой шеей, защищая существо. Канаты мышц в его шее выделялись, протягиваясь к его широкой груди. Колонна костей выпирала из спины, начинаясь от широких плеч и до конца короткого хвоста. Мышцы, натянутые под толстой шкурой, как она заряжена, решетчатая работа серых шрамов на спине свидетельствует о старых ранах. Массивные задние конечности выбрасывали зверя вперед так сильно, что он дрожала земля. Пыль, струящаяся позади него, струилась мимо его широких, лопатообразных ног, пораженных безумной силой. Еще более ужасающими, однако, были предплечья, которые увеличивались почти в два раза по сравнению с его задними ногами, массивные лопатообразные конечности, которые разрушали камень и срубали древесину, стоящую на пути его бессмысленной ярости. Один сверкающий, пожелтевший рог вырос из его костяного лба, и он владел им с тупой дикостью, которая могла сломать камень, а также кость. Два маленьких, блестящих черных глаза влажно блестели на толстой, грязно-красной, кожистой шкуре, которую даже его когтям было трудно сломать.

Это был прекрасный крулл, простой зверь силы и ярости. Он бы его убил.

Этот крулл был стар и ранен, это он знал. Две блестящие косые черты пробежали с кровью по левому флангу прямо по его ноге, блестя, как будто они только что зажили и сейчас снова были разорваны. Зверь изо всех сил пытался двигаться прямо, бросая голову назад и вперед, когда он раскачивался, сильно ударяя по земле левой рукой, чтобы компенсировать раненную конечность. Хотя он имел хромающую походку, его возраст приветствовал смерть более уверенно, чем любая рана. Он был достаточно стар, что его шкура потеряла силу в суставах, и эта слабость не будет упущена. Там он будет наносить удар.

Существо издало трубящий рев, который потряс землю и прогремел в глубине суставов. Там не было страха, только гнев и сила, долго закаленные осторожностью и настороженностью опыта. Ему следовало бы быть осторожным. Его массивное тело стало внезапно размытым в движении, когда крулл набросился на него, рог опустился, ноги колотились. Он нырнул направо, намереваясь свернуть с его пути, но он повернул голову и схватил его за бок.

Вспыхнула раскаленная боль от его колена до ребер, когда его нога внезапно подкосилась. Он быстро развернулся и был встречен ударом его толстого лба, который вытеснил воздух из его

груди и отбросил его на спину. Он кашлял кровью из легких, и попытался встать, но зверь навис над ним. Прежде чем он смог среагировать, его мощная нога вошла в его грудь с силой падающей горы, и он почувствовал, как его кости разрушаются и трещат под давлением. Кровь брызнула из его рта, капая в горячем потоке, и его зрение стало красным.

Ярость заполнила его голову, когда он закашлял густой черной кровью, возмущенный тем, что он был пойман в этом положении. Эта боль, которую он чувствовал, понимая, что заплатит втройне. Это унижение, эта слабость, он заплатит. Он был в этом уверен. Его сердце билось бешено, из-за адреналина, наполняющего его организм. Его глаза были широко распахнуты, мышцы рыхлыми и сильными. Еще один удар был, молниеносный, но слишком медленный. Он выкатился с дороги и соскочил с земли, все еще покачиваясь шатаясь на ногах. Массивный кратер в земле с перепончатыми трещинами, вращающимися наружу, показал, что осталось бы от него, если бы он был медленнее. Зверь повернулся, развернувшись, чтобы махнуть головой на него, но он склонился над его спиной, прорезав три линии крови по его боку, когда упал. Он ревел в гневе, отвратительный, рыскающий звук, когда его горло было наполнено кровью, и он медленно отступил, когда он приготовился к его входящему порыву.

Когда зверь зарядился энергией, он остался низким, избегая своего горна и ныряя, прежде чем он мог ударить его. Бросая шлейфы грязи и пыли, когда он перестал дышать, обезумевший крулл бросил голову в сторону, в тот момент, когда он повернулся, чтобы найти, куда ушел противник. Именно тогда он ударил, вылетев из зарослей, поднятыми когтями. Два пореза было все, что ему нужно - по одному на каждой задней ноге. И даже самый большой зверь будет сбит. Его когти никогда не подведут его, острее любого ножа, быстрее любого лезвия, сильнее любой стали. Они были для него даром земли, и то, что они разрезали, истекало кровью.

Это было то, что они сделали сейчас, и в одно движение старое животное перестало мочь двигаться. Еще один перерез через горло создал кровотечение. Три длинных пояса по его лицу ослепили его глаза и заставили течь кровь в беспорядочном ритме. Заключительный, жестокий толчок в грудь раскрошил кость и вскрыл ребра с особой жестокостью. Его мышцы напрягались, когда он раздвигал ребра, слыша сухожилия и мышцы, и всякая плоть растягивалась и разрывалась. Крулл больше не ревел, больше не боролся. Он просто дергался, погряз в умопомрачительной боли. Он просто спас его от боли, когда он раздавил его сердце.

Он тяжело дышал, не от боли, которая уже угасла до тусклого пульса, а от экстаза борьбы. От острых ощущений и удовольствия, которое пронеслось по его телу. Он закрыл глаза и позволил пульсу в его голове затихнуть, спустившись с его славной высоты. Убийство накормило бы его, но если бы он был пойман сейчас, некого было бы кормить.

Он быстро поел. Кожа ему не нужна - ее слишком тяжело жевать. Кишки он съел, быстро проглатывая. Они скользнули по его горлу и оставили след тепла, идущего вниз к его животу. Слюна капала из уголка рта, когда он ел, когти измельчали плоть и сухожилия, чтобы поглощать куски мяса. Когда он закончил, его морда была окрашена в темно-малиновый красный цвет, а грудь бывшего крулла была полон и пахла теплой, гнилой вонью. Остальное он тащил за собой, когти копались глубоко во плоти, когда он приготовился бежать, но внезапное рычание сзади остановило его. Это был звук, которого он так долго ждал.

Это был звук, которого он боялся.

Медленно повернувшись, губы обнажили клыки, ноги присели, он столкнулся со своим агрессором. Это был владелец этих земель, он знал это по запаху. Существо было массивной тушей, неповоротливый зверь почти в два раза больше его, тело покрыто толстым слоем

мышечной ткани. Красный мех покрывал предплечья, под которыми был виден толстый слой мышц, с когтями, которые могли разорвать связки ног одним взмахом. Тем не менее, этот размер также был неудачным, потому что у зверя были маленькие глаза и широкая походка. Он был большим, но это также означало бы, что он был медленным. В этом была его слабость, по этому он и будет бить.

Он мог сражаться, чтобы убить, но это дало бы ему раны, которые он не мог себе позволить - не сейчас, когда он был так далеко от дома. Он мог бежать, но это означало бы оставить его убийство позади, и сделало бы ему хуже, чем когда он начал. В одно мгновение он определился с тем, что будет делать дальше: два удара по икрам ног, когда он их поранит, тогда он побежит. В этой битве не было чести, но честь была мыслью, которую он не понимал, когда земля прошептала ему в уши. Честь не спасет тебя, когда ты умираешь. Честь не сделает тебя сильным. Честь не была нужна на чужбине.

Без звука, даже рычания, он бросил свое убийство на землю. Сейчас ему нужна была скорость. Скорость и мощь. Глаза устремились на его цель, его ноги уперлись в землю, когда он напрягся в подготовке. Без предупреждения, он начал, шлейфы пыли, образующиеся в воздухе позади него, когда он нырнул низко с вытянутыми когтями, стремясь разорвать сухожилия и мышцы.

Он был медленным. Слабым. Удар пришелся по его правой руке, и он почувствовал, что она сломалась. Боль была мучительной, но она не остановила его. Его рука прихрамывала сбоку, но он ударил левой, перерезав лицо черными когтями и ослепив врага. Недолго думая, он прошел через левую ногу, вырвав мышцу и отбросив в сторону. Кровь брызнула, и существо заревело от боли.

Он не остановился, его тело стало размыто, как будто было движением жидкости. Танцуя с изяществом, которое опровергло ужасную ситуацию, он не закончил свое уничтожение, перетащив его на землю позади него с неким безразличным отчаянием и побежал. Побежал обратно в свои земли. Побежал обратно в свою берлогу. Туда, где он мог зализать раны. Туда, где земля будет держать его и будет держать в безопасности. Он не оглядывался назад, даже когда рев агонии, гнева и унижения, разразившийся позади него, гремел зубами в голове.